

© 2011 г. Т.А. Брачун

УДК 130.2

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ ЧУКОТСКОГО ЭТНОСА

Изучение чукотского этноса, с точки зрения понимания современной локалистики, сопряжено с двумя уровнями исследований. На первом уровне находится, так называемое, северное сообщество народов, или северный тип культур. Его называют «северная цивилизация», либо, все чаще, «циркумполярная цивилизация», «арктическая цивилизация». Весьма часто встречается термин «циркумполярные народы». В юридико-правовой литературе, в политическом дискурсе, а также в научной литературе часто встречается термин «коренные малочисленные народы Севера». Нет нужды отмечать разницу в формировании научных подходов, эксплуатируя тот или иной вышеназванный термин. Однако нужно отметить, что любой из перечисленных терминов может означать и означает следующее: в общем калейдоскопе цивилизаций, культур, локальных культурных миров существует группа этнических культур, которая сформировалась в условиях Севера.

Даже приблизительный, беглый взгляд на эти культуры позволяет выделить некоторые общие черты: 1) их северный, полярный характер; 2) их реликтовость; 3) их определенную степень замкнутости; 4) их специфику взаимоотношений с «внешним миром». В обобщающей статье философа А.И. Поспеловой мы находим следующий вывод: «Арктическая цивилизация удивительно однородна, так как и в Евразии и в Америке мы встречаем сходные орудия труда, фольклорные сюжеты, восприятие естественной связи человека с природой, верования, организацию быта и т. д. А главное – сознание арктической цивилизации направлено на поддержание ее устойчивости во взаимосвязи с природой. Жизнь, хозяйственные циклы подчинены ритмам природы и закреплены настоль древним обычаям и традициям, что они представляются существующими вечно» [1, с. 24].

Этнос, этническая система развивается и как самостоятельная система, ограниченная такими мощными категориями этнического бытия как, например, «этническое пространство», «этническое время», «этническое знание», и как часть целого. То есть единого социально-этнического универсума. Это предопределяет сущность философско-этнологического исследования, как исследования, базирующегося на определенной типологии, не только конкретизирующей проблему, но и обобщающей субъективный круг исследования. Возможность определить этнос и его место и роль в мире общей этнической полифонии позволяет лучше определить специфику его культурного развития. В то же время типология обеспечивает возможность выявления внутренних связей и противоречий культуры, определить сущность и специфику ведущих критериев идентичности. Доминирующим отличием любого этноса является его культура.

В рамках этой, весьма обширной, категории философии формируются формы и способы деятельности, коммуникации, вызревает язык, традиция, обосновывается та или иная религиозно-культурная форма, обычаи, этническое мировоззрение и этническая картина мира, складывается быт. Из этих и многих других компонентов состоит, собственно, жизнь этноса, создается сумма принципов идентичности. Однако этнос объединен и другими обстоятельствами, также составляющими его специфику и неповторимость. К их числу относят природно-географический фактор, то есть, территорию, «место под солнцем», которое этнос освоил в результате длительного культурно-исторического развития. Понятие территории включает природно-климатические условия, топографические особенности, ландшафт, флору и фауну, иначе говоря, совокупность стихий. Территория, понимаемая не как «пространство», а как «местоположение», предопределяет внешние культурные контакты этноса, его взаимоотношения с другими этносами. Другим фактором, определяющим специфику этноса, является фиксированное состояние его социокультурного развития, иначе говоря – степень наличия в этнической жизни собственно этнической культуры. Мы говорим об устоявшемся заблуждении, когда описание стадии исторического или социально-экономического развития производится как «описание уровня культурного развития». Мы исходим из принципа равенства культур и именно поэтому выделяем фактор имманентности культуры. Мы не отождествляем понятия уровня развития культуры и уровня соци-

ального развития. И именно поэтому выделяем реликтовую культуру как самостоятельный и самодостаточный объект исследования, спецификой которого является весьма высокий уровень имманентности.

Именно эти составляющие, на наш взгляд, обобщенно представляют основные сферы этнического бытия, выступая ведущими принципами типологизации. Таким образом, мы можем выделить ведущие характеристики типологии чукотского этноса, определяющие практическое поле исследования. Чукотский этнос принадлежит к группе палеоазиатских народов (наряду с эскимосами и ительменами), населяет обширную территорию северо-востока России (Местом постоянного ареала проживания являются 4 региона России: Северо-Восток Якутии, север Магаданской области, Чукотка и север Камчатского края). Ареалом проживания чукчей является тундра, частично – лесотундра, а также морское побережье, чем и определяется сфера хозяйствования – кочевое оленеводство и охота на морского зверя. Культура чукчей характеризуется как реликтовая этническая культуры, имеющая высокий уровень имманентности. Чукчи – самый многочисленный титульный этнос Северо-Востока России. Количество этносов, находящихся на стадии, так называемого, «каменного» века, или реликтовых этносов, на земле до сих пор исчисляется несколькими сотнями. Исследование закономерностей их жизни, помимо культурного значения, имеет и исключительно прагматическую цель, поскольку способствует лучшему пониманию природы человека, а следовательно – поиску гармонии природного и социального в человеке. По существу, стоит вопрос о способности цивилизации к усвоению опыта реликтовых культур, поиска путей диалога с ними и отказу от агрессивного их вытеснения и ассимиляции. Все это делает чукотский этнос и культуру чукчей весьма полезными и интересными объектами исследования.

Давно зафиксированным фактом является то обстоятельство, что хозяйственная культура чукчей основана на двух основных отраслях деятельности. В связи с этим, по-видимому, ошибочно, выделяли две этнические (этнографические) группы чукчей: оленные (занимающиеся кочевым пастбищным оленеводством) и береговые (живущие за счет охоты на морского зверя) [2]. Этноним «чукчи» происходит от самоназвания этноса – «чаучу» или «чавчу» (имеющие оленей). Другие самоназвания – «анкалын-ан» (море) и «кальн» (приморский) остаются известными лишь специалистам и к настоящему вре-

мени почти забыты. Разделение на «оленных» и «береговых» чукчей, с точки зрения этнической целостности является условным, поскольку фиксирует лишь характер деятельности, который зависит от специфических условий проживания, природной среды. В целом чукотский этнос представляется самостоятельной и устойчивой этнокультурной системой, имеющей единый язык.

Другое дело, что охота на морского зверя есть гораздо более древний промысел, напрямую связанный с «эпохой собирательства и охоты», когда человек эксплуатировал наиболее доступные ресурсы окружающей среды. Охотник в гораздо большей степени зависит от стихий природы и берет лишь то, что удастся добыть. Данный способ хозяйствования не обеспечивает быстрого социального расслоения и не способствует напрямую разложению патриархально-родового строя. Поэтому «береговые чукчи» находятся на более низкой стадии развития. Хотя данный вывод не имеет целью внедрить некую произвольную иерархию, когда целью автора может быть утверждение о том, что «одной ногой» этнос преодолел этап охоты и собирательства, а «другой ногой» вступил в новую эпоху перехода к одомашниванию животных. Это совсем не так. Наша цель заключается лишь в том, чтобы выявить два типа и два способа хозяйствования, находящиеся в решающей зависимости от природных условий.

Кочевое оленеводство, в отличие от охоты на морского зверя, представляется переходом к производящей экономике, когда человек мог регулировать прирост оленьего стада и производить значительно больше, чем мог потребить. Это этап, когда человек приступает к рациональному способу хозяйствования, когда процессы деятельности становятся все более управляемыми и прогнозируемыми. Это способствовало более быстрому разложению родовой общины и поступательному процессу социального расслоения. Особенно быстро эти процессы протекали со второй половины XVIII столетия, когда возникло крупнопастбищное оленеводство. Этническую целостность чукчей подтверждает то, что весьма часто «береговые чукчи» до сих пор ведут свою родословную от оленеводов, и наоборот. Кроме того, культивировались и «смешанные» хозяйства, когда при небольшом оленьем стаде, не более 150 голов, поселение не может обеспечить себя в полной мере, и для пополнения ресурсов вынуждено заниматься морской охотой. Обособленные же хозяйственные анклавы находятся в состоянии интенсивных меновых отношений.

Более высокая культура хозяйствования чукчей-оленьеводов проявлялась в усложнении ручных манипуляций, формировании «технологии и практики возделывания оленей», укреплении материального благополучия, а также в значительном ослаблении религиозно-культурной ритуализации труда. Результат труда перестал восприниматься как дар природы или потусторонних сил, что закономерно отразилось как на социальной организации этноса, так и на всем комплексе системы хозяйствования.

В целом, к периоду возникновения интенсивных контактов чукотского этноса с цивилизацией и вхождению их в многонациональную общность России чукчи смогли сформировать самостоятельную культуру хозяйствования, основанную, главным образом, на кочевом скотоводстве. Таким образом, можно говорить о складывании основных и ключевых элементов производящей экономики, «этнического способа производства». Мы полагаем, что этнический способ производства есть особый компонент этнической культуры, формирующий этническую структуру и культуру деятельности, а также корпус материальных предметов и материальных благ этноса. Мы исходим из того понимания деятельности, что в культурно-философской трактовке она является важнейшим инструментом изучения человеческой сущности, процессов социального характера и социальных форм, способов со-бытия человека и природы. Отечественный исследователь Р.И. Налоева отмечает: «Если деятельность – воспроизводство социальных процессов, самореализация человека, его связей с окружающим миром, то с помощью этого понятия можно охарактеризовать различные аспекты и формы бытия, его вещи» [3, с. 54]. Способ бытия человека в социальных процессах через проблему деятельности рассматривали Н.В. Кильберг-Шахзадова, К.Х. Момджян, А.В. Маргулис и др. Наиболее широко известной представляется концепция А.В. Маргулиса о деятельности как о продуктивной и целесообразной системе активности социальных субъектов, направленной на удовлетворение их потребностей [4, с. 24]. Нет нужды говорить о том, что в данном случае есть все основания принять данную концепцию как базовую, но при условии расширения понятия «потребности». Дело в том, что мы считаем объективным и необходимым включить в содержание данного термина не только узкий круг «надобностей», которые человек может произвести, пренебрегая естественными, данными изначально «надобностями», такими, как вода, воздух и т. д. Современное понимание по-

требностей человека должно включать и то, что зачастую, при производстве материальных благ, приходит в негодность, но является не менее важным. То есть – потребность жить в здоровой среде обитания.

В этом смысле концептуальной основой может служить положение о деятельности как о самозарождающемся и саморазвивающемся качестве социального явления, высказанное К.Х. Момджяном. Действительно, культура чукчей, развивающаяся в течение многих и многих веков, представляется не предустановленным фактом, а результатом опыта. Ее деятельностный аспект выражается в том, что делает, чем занимается этнос для достижения благополучного существования и удовлетворения потребностей. В связи с этим представляется уместным говорить об этническом стиле деятельности, об этнической деятельностной доминанте, которая и является этническим способом производства [5, с. 9].

Отличием этнического способа производства всякий раз выступает его уникальность, наличие большого количества специфических особенностей деятельности, выраженных как в производственных отношениях, так и в получении продукта производства. Иные известные способы производства представляются более унифицированными. И рабовладельческий строй, и феодализм, и капиталистический способы производства, а особенно – последний, имеют значительно меньше этнонациональных особенностей, чем этнический способ производства. Он, этот способ производства, ритуализирован и регламентирован самой этнической традицией и служит основанием расцвета этнической культуры. «Вызов природы», пожалуй, самого сурового климата на планете, предопределил не только стиль ведения хозяйства, культуру хозяйствования, но и единственно возможную форму его организации, гарантирующую гармоничное пользование ресурсами природы. Зависимость человека от природы предопределила сакральное отношение к сезонным стихиям, всему живому. Вся деятельность и культура чукчей, в связи с этим, является перманентным диалогом с природой, как непостижимой субстанцией, частью которой является человек. Таким образом, чукотский этнос сформировал устойчивую социально-экономическую общность, единицу хозяйствования, в целом, сохранившуюся до сих пор лишь частично, чему виной систематическое деструктивное воздействие цивилизации.

Опыт диалога: «чукотский этнос – цивилизация» (особенно в советский период) весьма богат и многократно зафиксирован как в литературе (Ю. Рытхэу, О. Куваев, А. Мифтахутдинов, А. Пчелкин, А. Кымытваль, Н. Шундик и др.), кинематографе (знаменитый фильм «Начальник Чукотки» и некоторые другие фильмы), науке (И. Вдовин, В. Богораз, В. Задорин и др.), многочисленных анекдотах и смешных историях, что в совокупности делает чукчей одним из самых известных и своеобразных этносов России. Основным лейтмотивом представленного своеобразия чукчей является их открытость и наивность, трепетное отношение к природе, простота и некоторая растерянность, неписанность в социокультурную реальность. Обобщенным выводом этому может служить утверждение, что существующий конфликт: «чукотский этнос – цивилизация» вырастает из фрустрации чукчей, вызванной потребительским отношением к природе «пришлого человека». Чукчи до сих пор с трудом понимают, что такое промышленный промысел морского зверя, когда добываются горы мяса и шкур и истощаются ресурсы моря. Не вызывает понимания и разведение многотысячных оленьих стад и многое другое. Грехом и катастрофой считают чукчи массовое недропользование, добычу полезных ископаемых и, как следствие – разорение первозданной тундры. Природопользование без жертвоприношения есть тяжкое преступление. Чукчи с горечью наблюдают зарождение «третьей природы», водворившей в жизнь многочисленные социально-культурные, экономические, экологические и нравственные конфликты.

Цивилизация привнесла существенные коррективы в жизнь чукотского этноса, равно как и в жизнь других народов крайнего Северо-Востока Евразии. Уже первые контакты чукчей с русскими землепроходцами наметили два основных фактора влияния. С одной стороны, шло наступление и вторжение в религиозную жизнь. Язычество чукчей претерпело сильное влияние со стороны христианской церкви. Массовая христианизация чукчей за более чем два века не привела к полному вытеснению анимизма, но сильно изменила характер религиозности. Духи могучей природы стали соседствовать с иконами, а жертвоприношения – с молитвами. С другой стороны, освоение крайнего Северо-Востока резко оживило торговые связи, в целом экономическую жизнь. Пришлые негоцианты требовали пушнину (продукт побочного промысла), оленье мясо, шкуры и платили за это изделиями из железа, ружьями, продук-

тами питания, украшениями, новой, невиданной доселе, одеждой, табаком и алкоголем. Внезапно пришедшие «пороки и болезни цивилизации» внесли серьезные коррективы в жизнь этноса. Однако более разрушительной угрозой стал пересмотр основ хозяйственной культуры. Интенсивные меновые отношения привели к переходу на товарное производство, иначе говоря – к производству большого количества излишков. Это неизбежно нарушило гармонию в отношениях «природа – человек». Помимо перепроизводства оленей, истощающего скудную растительность тундры и переориентации на охоту, поскольку за ценную пушнину больше платили, пришел в упадок артельный тип хозяйствования. Это привело к разложению родовых связей и соседской общины, а также к имущественному расслоению.

Таким образом, был подорван принцип стойбища, на котором основывалась культура этнического способа производства, предполагающего гармонию между материальными потребностями сообщества и возможностями природы. Этот принцип вращал в анимизм, одушевляющий и одухотворяющий силы природы, наделяющий их антропными качествами, составляющий ядро и смыслы этнической духовной культуры. Вопрос, который стоит сегодня перед научным сообществом, – есть ли необходимость переходить к детальному исследованию отдельных этносов и этнических популяций или остановиться на общей проблеме циркумполярных, или коренных малочисленных народов Севера? Безусловно, есть. И тему специальных исследований отдельных северных этносов необходимо развивать. Признавая это условие, можно выделить и второй уровень локалистики – собственно, отдельные этносы Севера. Каждый из них, помимо сходств, имеет и своеобразие, неповторимость, которые, безусловно, достойны специального внимания. Специфика может определяться самыми разнообразными факторами:

- разнообразие и уникальность культурных миров, мировоззрений, стереотипов поведения и т. д.,
- уникальность опыта взаимоотношений с цивилизацией, особенности *со-бытия* цивилизация – этническая культура,
- расово-генетическая специфика,
- специфика способов хозяйствования,
- специфика современного состояния культуры.

Чукотский этнос интересен тем, что его специфика выражена наиболее рельефно. Ее можно определить так:

1. Чукотский этнос является одним из самых «молодых», открытых цивилизацией в эпоху великих географических открытий. Долгое время он пребывал в условиях естественной изоляции, имея контакты с такими же изолятами, среди которых эскимосы, коряки, ительмены и некоторые другие этносы.

2. Чукотский этнос есть один из самых многочисленных среди коренных народов Севера.

3. Чукчи представляют собой этнос, весьма интегрированный в современные процессы развития и в современную, меняющуюся цивилизацию. Его культура широко известна в России и за рубежом.

4. Помимо всемирно известных артефактов культуры, чукотский этнос весьма богато представлен современным «образом чукчи», то есть человека, чья первозданная наивность и чистота, «неиспорченность» благами цивилизации служит символизации представителя этноса.

5. Чукчи, отчасти благодаря численности, а отчасти – сохранившимся элементам изоляции, наиболее полно сохранили свою этническую культуру.

Кроме этого необходимо помнить и о том, что культурный мир каждого этноса уникален и требует как можно более полного знания, поскольку это пополняет знания человека о самом себе. Современный человек, увлеченный и охваченный процессами бурно прогрессирующей и трансформирующейся цивилизации, все больше отрывающийся от этнических корней, нуждается в пополнении знаний культурно-антропологического характера. В конечном счете, знание культуры и способа жизни чукчей обогащает человеческий опыт адаптации и деятельности в самых экстремальных условиях суровой природы, почти полной изоляции и гигантских просторов «белого безмолвия».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Поспелова А.И.* Северная цивилизация и ее специфика // Современные проблемы социокультурного развития коренных малочисленных народов севера: материалы научно-практической конференции 27-28 марта 2008 г. Магадан, 2009.

2. *Вдовин И.С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.-Л., 1965.; *Богораз В.Г.* Материальная культура чукчей. М., 1991.
3. *Налоева Р.И.* Социально-философское содержание понятия деятельности // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов н/Д, 2006. № 4.
4. *Маргулис А.В.* Проблема потребностей в историческом материализме. Белгород. 1972
5. *Брачун Т.А., Сахибгоряев В.Х.* Чукотский этнос: генезис и кризис. Магадан, 2009.

*Северо-Восточный
государственный университет*

27 июля 2011 г.
